

Дмитрий Шмонин

Традиционные религии в современной России:
образовательные стратегии или ситуационные решения?¹

1. В настоящее время на разных уровнях и в различных форматах ведутся дискуссии о месте религии в российском образовательном пространстве. Свои позиции в той или иной мере определяют и корректируют федеральные власти (главы государства и правительства, представители законодательной власти, высшие менеджеры Минобрнауки), лидеры ведущих конфессий, руководители регионов, представители СМИ, общественных и религиозных организаций, педагогическая общественность. При этом проблемность ситуации, в том числе, касающаяся возможности и целесообразности интеграции в это общее пространство конфессионального образования, осознается большинством участников дискуссий. В этом смысле важен регулярный обмен мнениями, в котором участвуют как сторонники максимальной интеграции в официальную систему, так и те, которые считают, что православные, католические, протестантские, исламские вузы должны быть богословскими школами, в которых готовят («всего-навсего») профессиональных теологов, а государство не должно вмешиваться в учебный процесс и содержание образования.

2. Ведение дискуссий предполагает одинаковый подход к основным понятиям и терминам, в т.ч. к термину *религиозное образование*, который оказывается неоднозначным в употреблении. По нашему мнению, термин *религиозное образование* в русском языке (и российском контексте) звучит адекватно, если мы обозначаем им феномен образовательных моделей и систем, в основе которых лежит теологическое мировоззрение. Содержание религиозного образования включает в себя, наряду с общеобразовательными и профессиональными компонентами, доктринальное учение, а процесс обучения строится на соответствующих данной религии принципах просвещения и воспитания. Уточним при этом, что граница между религиозным и религиоведческо-культурологическим в первую очередь мировоззренческая, а уже во вторую – институционально-конфессиональная. Если в образовательной модели мировоззренческое ядро имеет религиозный (конфессиональный) характер, то речь идет о религиозном образовании, если нет, то мы имеем дело с одним из вариантов светского образования. Теологическое (богословское) образование, таким образом, мы рассматриваем как частный случай образования религиозного.

3. Определив предмет, о котором мы говорим, обратимся к ситуации в постсоветской России. Очевидно, что наиболее активно в последние 20

¹ Статья подготовлена в рамках проект Российского гуманитарного научного фонда № 13-06-00103 «Образовательные парадигмы и исторические формы трансляции знания: актуальность классического опыта».

развивается православное теологическое образование. Среди государственных университетов обучение по теологии открыли некоторые классические и педагогические университеты. Возникли новые православные конфессиональные учебные заведения. Динамизм характерен и для исламского образования. Появились исламские конфессиональные учебные заведения в Москве, Казани, Нижнем Новгороде, в Северо-Кавказском регионе. За последние два десятилетия эти образовательные учреждения прошли сложный путь становления и развития. Ведущие исламские вузы учредили некоммерческое партнерство - Совет по исламскому образованию. Надо надеяться, что он сможет решать задачи формирования единого поля исламского образования в России, со своими стандартами, программами, общими учебниками, академическим обменом и т.д. Одна из целей Совета – как раз и заключается в том, чтобы добиться интеграции исламских вузов и школ в общероссийское светское и межконфессиональное образовательное пространство.

4. Следует сказать, что федеральные власти осознают необходимость поддержки исламского образования и его интеграции в социально-педагогическую среду. Существует финансируемая Правительством России программа поддержки исламского образования. У исламских учебных заведений имеются партнеры среди крупных университетов, ставится сложная задача подготовки специалистов с углубленным знанием культуры ислама, которые могли бы пополнить ряды мусульманского духовенства, стать преподавателями университетов и школ, что особенно важно для регионов России, в которых преобладает или заметно присутствует мусульманское население. (Заметим, что в силу разного рода причин Санкт-Петербург не имеет исламского высшего образовательного учреждения, которое отвечало бы статусу города и проблемам агломерации, в которых границы «78-го» и «47-го» регионов условны. Весьма серьезной оказывается проблема отсутствия квалифицированных специалистов в области исламоведения, которые одновременно являлись бы духовными лидерами уммы.)

5. Если говорить о православной теологии, то она развивается как комплекс образовательных программ не только в относительно новых православных (ПСТГУ, СФИ, РПИ, и др.) и государственных вузах, но и в традиционных церковных учреждениях – духовных академиях (в них реализуются бакалаврские, магистерские и кандидатские программы), а также в духовных семинариях (бакалавриат), которые существуют в ряде крупных региональных центров. Священный Синод Русской Православной Церкви при Патриархе Кирилле занял весьма активную позицию, требующую от образовательных учреждений Церкви усилий по интеграции в светскую, государственную систему образования, сближение с которой видится в привлечении светских профессоров к преподаванию, а также в стремлении к лицензированию и аккредитации. Вопрос с более высокими образовательными уровнями не решен и вряд ли будет решен скоро: перечень ученых степеней, которые подлежат утверждению ВАК Минобрнауки, не включает теологию. Таким образом, ученые степени «кандидат богословия» и «доктор богословия», которые присуждаются в православных вузах, не признаются государством равными «ваковским» ученым степеням. Очевидно, что этот проект нуждается

не только в ситуационных решениях, но в разработке стратегии, которая позволила бы, при осторожном сближении церковной и «ваковской» траекторий, повысить степень взаимного доверия, не потеряв при этом (мы говорим о Церкви) накопленного за столетия опыта и богословско-педагогических и научных традиций.

6. Важно отметить развитие теологических вузов других христианских конфессий. Мы сознательно не обсуждаем здесь непростой вопрос о традиционных и нетрадиционных («новых») религиях и конфессиях, обращая внимание не только на то, насколько они исторически укоренены в России и вплетены в ее вековую культурную ткань, но и на динамизм, активность их присутствия в современной социальной жизни. Говоря об образовательных учреждениях, укажем на следующие моменты. В последние десятилетия в стране возобновили свою работу или были организованы вновь христианские образовательные учреждения. С 1993 г. в Москве, а с 1995 г. в Санкт-Петербурге работает Католическая высшая духовная семинария «Мария – Царица апостолов». Также в Санкт-Петербурге работают лютеранские учебные заведения – Теологический институт Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии (динамично развивающийся) и Теологическая семинария немецкой Евангелическо-лютеранской церкви (к сожалению, находящаяся почти «на грани вымирания»). Кроме того, в Санкт-Петербурге имеется христианский университет, позиционирующий себя как межконфессиональное высшее богословское учебное заведение протестантско-евангельской направленности, в Москве – Теологический институт Христиан веры евангельской (пятидесятников). Конечно, мы не перечислили все религиозные образовательные организации. Важно, однако, другое. Каждая из этих теологических школ и стоящих за ними церковных институций по-разному видят перспективу своего развития, свою образовательную и научно-богословскую деятельность. Руководствуясь политикой священноначалия и оценивая ситуацию со своих позиций, вузы выбирают собственные пути развития – движение к аккредитации или консолидацию с ведущими конфессиональными вузами за рубежом, сосредоточение на реализации лицензированных (но не аккредитованных по российским правилам) теологических программ, что означает стремление сохранить лицензию на образовательную деятельность, но весьма осторожное отношение к перспективе аккредитации.

7. Выскажем некоторые завершающие соображения. Во-первых, конфессиональные образовательные учреждения имеют весьма отличающиеся друг от друга организационный, образовательный и научный потенциалы, что сказывается на подходах к вопросам стратегического планирования развития вузов. Отметим и сложность, возникающую, когда интенции к сближению со светской российской системой образования входят в противоречие с желанием сохранить конфессиональные традиции духовных школ. (Отдельной – весьма болезненной – является здесь тема интеграции в Болонский процесс.). Во-вторых, конфессиональные вузы вынуждены ситуационно реагировать на изменения в социальной среде и не всегда внятную государственную политику в отношении религиозного образования, что, впрочем, оказывает влияние и на жизнь светских вузов и школ. В-третьих, существующий дефицит стратегически

выверенных программ развития учебных заведений является отражением общей ситуацией в образовании – как российской, так и мировой, которую (избегая многофакторных и многоаспектных описаний) охарактеризуем как «начало эпохи перемен», ситуацию рождения, формирования новой образовательной парадигмы, описание которой, как и само осмысление этой ситуации, еще впереди.

В этой связи следует заметить, что и религиозное образование также стоит на пороге перемен, нуждается в выработке как общих (на национальном уровне) принципов его развития, так и в создании новых философско-богословских концепций, моделей, систем, возможно - конфессиональных «теологий образования», которые помогут определить место религии в образовательном и социальном пространстве нашей страны и – шире – общемировом социальном пространстве.